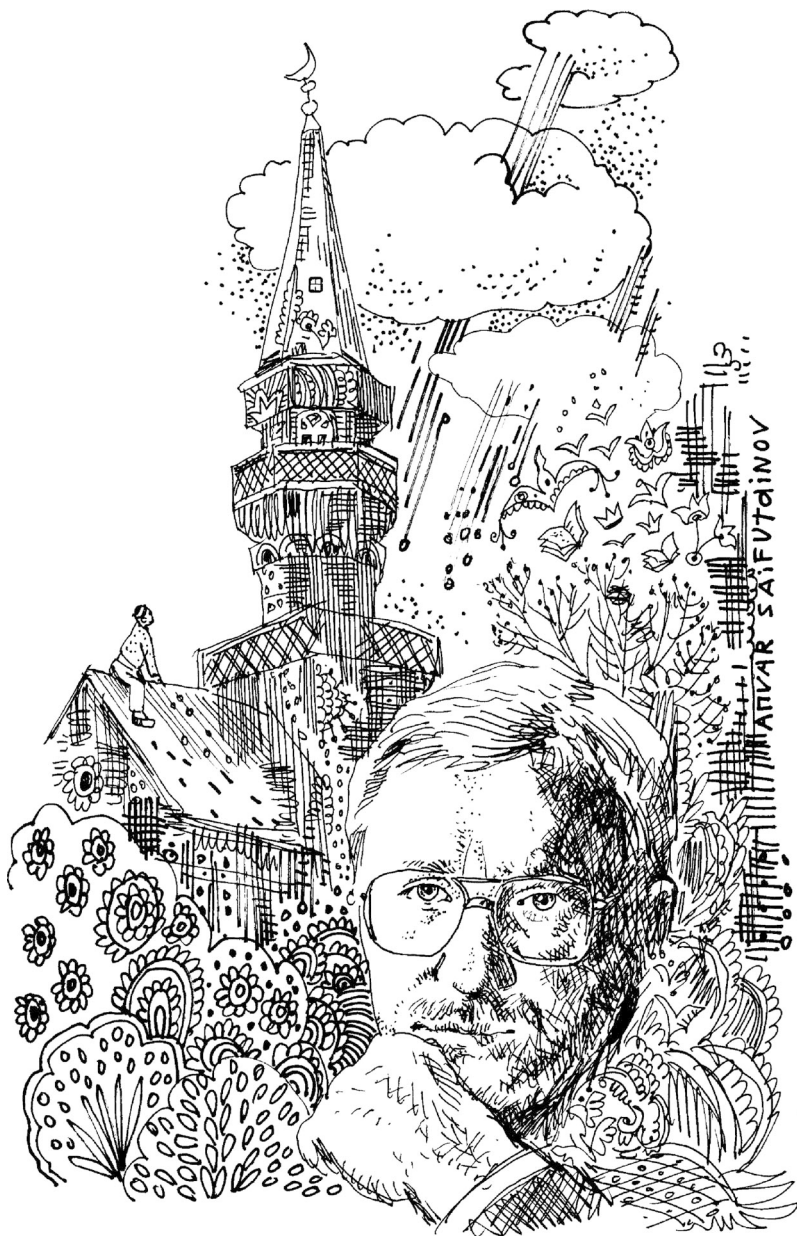

Рахимъ Валеев

Когда шумели

12

Травы за рекой

13

Поднимешься на минарет, станешь ближе к Всевышнему

В начальных классах мы учились в здании бывшей мечети. Хотя эта деревянная мечеть была построена ещё в 1921 году, она не скосбочилась, не обветшала, лишь минарет её, будто сетуя на свою судьбу, протяжно стонал, когда задували ветра и вьюги. Как священна и дорога для всех татар башня Сююмбеки, так же священна и дорога для моих односельчан была наша мечеть со своим стойким минаретом. До сих пор для меня остаётся большой загадкой, просто волшебством: как же смогли возвести эту мечеть односельчане в голодный двадцать первый год? Пожалуй, не найти человека, который, побывав у нас в деревне, не залюбовался бы её утончённостью, строительной завершенностью, архитектурным совершенством. Откуда взялось такое мастерство у наших деревенских строителей, у которых не было никакого специального архитектурного образования?! Сегодня мечети

строят почти в каждой деревне. Но не всегда они соответствуют требованиям гармонии. Минареты порой коротки и толсты или, наоборот, длинны и тонки, как заводские трубы. Из-за отсутствия у строителей чувства пропорции, меры, просто-напросто таланта, профессионального мастерства деньги, собранные народом по крохам на строительство своего священного сооружения, нередко тратятся на возведение безвкусицы. Нашей деревне повезло, её мечеть явилась прекрасным примером архитектурного совершенства и вошла в список исторических памятников, охраняемых государством.

Когда я начал учиться в школе, у меня была мечта – подняться под самую вершину минарета мечети и окинуть оттуда взглядом окрестности родной деревни. Минарет нашей мечети состоял из двух ярусов. До верхнего яруса можно было подняться по внут-

---

Разиль Валеев (1947) родился в д. Ташлык Нижнекамского района. Окончил Литературный институт им. М. Горького в Москве. Автор четырёх десятков книг. Лауреат Госпремии РТ им. Г. Тукая и Республиканской премии им. М. Джалиля, президент Татарского ПЕН-центра

ренной винтовой лестнице. Но это лишь две трети башни. В той части, где минарет заострялся, принимал конусообразную форму, и на пике его красовался серебристый полумесяц, не было никакой лестницы. На самой вершине его оставлено было слуховое окошечко размером с голову взрослого человека, куда порой залетали голуби. Вот в это окошечко я и хотел поглядеть.

Однажды я спросил у матери: зачем нужен мечети минарет? Она ответила: «Чтобы муэдзин с высоты его призывал людей к молитве, сынок. И потом... Когда поднимаешься на минарет, вся деревня видна. А главное, с минарета и взгляд бескраен, и голос безбрежен, и к Аллаху становишься ближе». Эти слова матери остались в моей душе на всю жизнь. Казалось, если я взберусь на минарет и посмотрю с него, просунув голову в слуховое окошечко, то увижу не только соседние деревни, Казань и Москву, но и весь мир, даже самого Всевышнего.

Всё-таки я осуществил свою мечту – поднялся под самую вершину минарета, когда учился в четвёртом классе. Неистово карабкался я на верхотуру, ломая подгнившие доски под кровельным железом, раздирая в кровь руки и ноги. Когда, просунув голову в слуховое окошко, посмотрел вокруг, то был поражён распахнувшейся передо мной неохватной панорамой. То ли оттого, что минарет легонько покачивался, то ли ещё из-за чего-то, но мне вдруг сделалось не по себе, взгляд затуманился, всё передо мною поплыло... Точно Аллах осерчал на меня за то, что я без всякого разрешения вторгся в его владения, и поэтому воздействовал на моё сознание. Известное дело, такое заключение я сделал значительно позже, когда уже подрос. В памяти после победного восшествия только и осталось, как я поспешно спускался с минарета.

После окончания в своей деревне Ташлык начальной школы, в соседней деревне Шингальчи – восьмилетней, в Нижнекамске – средней я направился

учиться сначала в Казань, затем – в Москву. Когда возвращался в свою закамскую деревню, всегда первым встречал меня родной минарет нашей мечети. Но он старел и с каждым годом всё больше и больше клонился в сторону. В один из приездов я увидел, что ветер сорвал с него кровельное железо, и полумесяц завалился набок, готовый вот-вот упасть. Было это в то время, когда вышла моя новая книга, и я получил небольшой гонорар. Осенью 1979 года я пригласил из Казани ребят-редакторов, и мы стали ремонтировать минарет мечети. Конечно, моего гонорара было недостаточно. Протянул руку помощи друг юности Рифкат Муллин, работавший тогда заведующим районным отделом образования. По мере возможности помогали и односельчане. Таким образом, сообща и починили минарет. Особенно памятным был день установки на нём сверкающего на солнце полумесяца. Народ собрался со всех окрестных деревень, все подбадривали нас, и это придавало нам энергии и чувства значительности события. Правда, событие это не все оценили одинаково. По приезду в Казань меня вызвали сначала в обком комсомола, затем – в обком партии и как следует поддали за идеологический проступок и сделали вывод, что я не соответствую своей должности ответственного секретаря в журнале «Ялкын» («Пламя»).

– Как ты можешь воспитывать детей в духе строителей коммунизма, когда у тебя у самого в голове творится неизвестно что – взялся вот восстанавливать религиозные храмы!..

Я тоже не лыком шит, отвечаю:

– В мечети расположена школа. Кто будет отвечать, если минарет рухнет на детей?

Оппонентам моим такой поворот был так неожидан, что они сразу не нашлись, что ответить. Конфликт идеологий был на время исчерпан.

Но как мы не старались со своими ремонтными работами, время было немолимо и делало своё дело. Деревянное здание потихоньку ветшало и при-

шло-таки в негодное состояние. Ничего не оставалось делать, как разобрать его. Предварительно мы сняли с нашего родного храма все размеры, подвергли всё сооружение снаружи и изнутри тщательной фотосъёмке с тем, чтобы возродить мечеть в первоначальном виде, только в каменном исполнении. Начинателем этого дела был мой младший брат. По профессии строитель, по должности – прораб. Вопросы финансирования, поиска спонсоров, я взял на себя, помогли, конечно, и односельчане-предприниматели, и кто как мог.

Сегодня мечеть нашей деревни со своим стройным красавцем-минаретом

виднеется за десятки километров. Каждый раз, возвращаясь в родительский дом и выходя из лесу, я первым делом бросаю взгляд на белеющий вдали минарет моей мечети, точно это какой-то путеводный и спасительный маяк моей жизни. Без этой мечети я не представляю себе родной деревни, я и сам себя не представляю на земле без неё.

И сегодня перед глазами стоят леса, поля, окрестные деревни, небеса, полные белых облаков, весь мир, который я впервые увидел с высоты минарета нашей мечети. И сегодня звучат в моих ушах слова матери: «Поднимешься на минарет, станешь ближе к Аллаху».

Предприниматель

Наш отец долгие годы работал агрономом и председателем колхоза. Должно быть, у колхоза «Уңыш» (первое значение: «Урожай», второе: «Успех») и в самом деле урожаи были успешными, и моего отца наградили орденом Трудового Красного Знамени. Это было в то время большим событием не только для нашей семьи, деревни, но и всего района. Видимо, из-за того, что я тогда был ещё мал, мне было всего лет семь, настоящей ценности отцовской награды я недопонимал и воспринимал его – ну, как свой октябрятский значок. Не помню, чтобы отец носил орден и напоказ гордился им. С этой отцовской наградой мы, дети, все вместе восьмером и по отдельности играли, как с незатейливой игрушкой. В итоге потеряли и сколько потом не искали, так и не нашли до сих пор. Наградные документы остались, тешим себя надеждой, что со временем восстановим отцовский орден – получим дубликат. В последнее время об этом чаще думается. Оказывается, с годами всё, что связано с именами отца и матери, приобретает особое значение и становится всё дороже и дороже.

В те годы к правительственной награде, видимо, полагался и какой-то ценный подарок. По той причине, должно быть, и появился на нашем дворе сверкающий лаком и никелем настоящий велосипед. Моей радости не было предела. Подари мне кто сегодня «Мерседес», я бы так, как тому далёкому велосипеду, не обрадовался. В нашей деревне в то время был всего один велик у дальних соседей, поэтому цена этого подарка была просто бесценной. Мне казалось, что не велосипед является придатком к ордену, а наоборот – орден к велосипеду.

Но велосипед был большой, для взрослых. Оседлав его, я не доставал ногами до педалей, поэтому набив шишки, разбив колени в кровь, за пару дней всё-таки научился кататься, просунув ногу под рамой и весь скособочившись. Подспудно готовился к Сабантую – на велике вот приеду на праздничный майдан в деревню, все попадают от восхищения!

Незадолго до праздника к соседке по имени Малика-апа нагрянули гости из Перми. Среди них был мальчик на два-три года старше меня. Мы с ним

быстро подружился. Поскольку он был постарше, то его ноги до педалей доставали, и он прекрасно катался, удобно сидя на кожаном сиденье. Но мама ещё ранее предупреждала, чтобы я никому велосипед не давал. Говоря о матери, надо заметить, что она в противоположность отцу, идейному коммунисту, была из зажиточной семьи, которых в своё время называли «кулаками». Не знаю точно, то ли взыграла кровь маминого рода, то ли ещё что, но во мне проснулось желание выгодного обмена. Подтолкнул меня к этому как раз этот мальчик (сейчас уж и имени его не помню). В первый же день по приезде он достал из кармана зажигалку, сделанную в виде пистолета. Направил на меня ствол, щёлкнул курком, и из-под мушки полыхнул язык пламени. Я был в восхищении. Хотя и велосипед был хорош собою, но такой пистолет нам, деревенским мальчишкам, и во сне не снился. Пермский гость щёлкает пистолетом, а пламя вспыхивает прямо у меня в душе и разгорается с каждым разом всё больше и больше. Я решил

обменять велосипед на пистолет-зажигалку – порядком замучился уже корячиться, крутя педаль из-под рамы, вообще этот железный конь стал утомлять меня. Сказал ему об этом, он тут же достал зажигалку, сунул мне в руку, вскочил на велосипед и умчался по просёлочной дороге, только пыль столбом!

Своим домочадцам об этом выгодном обмене я, конечно же, ни гугу. Думал, раз отец отдал мне свой велосипед, значит, стал он моим, и я могу делать с ним, что угодно. Целый день щёлкал пистолетом, пускал огни, пугал мальчишек, а на ночь глядя, обняв своё стрелковое оружие, уснул крепким сном.

Утром мама испугалась, увидев меня с пистолетом в постели. Позвала отца, тот сразу распознал зажигалку. Досталось мне по полной программе. Пришлось вернуть зажигалку её хозяину и пригнать велосипед домой. Так что обмен мой оказался неудачным. Но я об этом не жалею. Если б мои родители одобрили мой поступок, то кем бы я стал? Предпринимателем, который покупает за червонец, а продаёт за полтинник?

Остановите меня!

Несколько лет кряду покрутив велосипедные колёса, захотелось мне сесть за руль мотоцикла. Когда я учился в шестом классе, один из братьев матери Раиф-абый приехал домой на купленном с рук мотоцикле. Одноместный, с металлическим не то багажником, не то всё-таки сиденьем сзади, мотоцикл этот односельчане почему-то прозвали «козлом». Предыдущий хозяин порядочно заездил его по бездорожью, ладно, что Раиф-абый был человеком, что называется, с золотыми руками – и часы ремонтировал, и дома строил, и в кузне металлические изделия мастерил, даже гармошки ладил, вот теперь и мотоциклом занялся. Я всю дорогу крутился возле него – то гаечный ключ подам, то отвёртку, когда он ремонти-

ровал своего стального друга, а ремонтировал он больше, чем катался.

За «помощь» мою Раиф-абый сажал меня на заднее сидение или на бак и катал по улицам деревни. А у меня была мечта – получить разрешение самому сесть за руль. Разрешения всё не было и не было. А ведь мальчишке казалось: что особенного водить мотоцикл, когда уже который год гонял на велосипеде с ветерком!

Однажды Раиф-абый ушёл в соседнюю деревню на шабашку – строить дом, а «козла» своего оставил во дворе. Я зашёл к бабушке, где жил Раиф-абый, уже в который раз, а мотоцикл как стоял, так и стоит себе спокойно, будто дожидаясь меня. Ходил-ходил вокруг кругами, и терпению моему при-

шёл конец. Я оседлал механического скакуна, взялся за руль, стал ломать рычажок кик-стартера – «козёл» не заводился. Тогда я вывел его за ворота на дорогу и принялся по наклонной толкать. Когда мотоцикл зачихал и вдруг издал живой рык, обдав меня выхлопным газом, я вскочил в седло и поехал, поднимая за собой густую стену пыли. Исколесив немало просёлочной дороги, я решил прокатиться по улицам деревни, чтобы видели меня деревенские девчонки и мальчишки. Когда приблизился к мосту через пруд, испугался – навстречу топала лошадь, запряжённая в телегу и преградившая путь на мост. Что делать? Позабыв про тормоза, я повернул руль в сторону, и мотоцикл вместе с седоком полетел в воду.

Сельчане мотоцикл спасли – достали из пруда баграми. Меня спасать не надо было, я ещё на отмели спрыгнул с непослушного скакуна.

После этого Раиф-абый долгое время даже близко не подпускал своего «помощника» к мотоциклу. А в год окончания десятого класса (мы учились одиннадцать лет) он взял меня на свою шабашку – дом поднимать, я там нормально заработал и на эти деньги купил себе подержанный мотоцикл «Иж-Планета», который преподнёс нам не менее забавную историю, чем дядькин «козёл».

Мотоцикл мой стоял всегда или в сарае, или под открытым небом во дворе. Кроме меня никто за руль его не

садился. Отец к мотоциклу интереса не проявлял, младший брат Рамзиль был ещё мал – десятилетний малыш водить мотоцикл не мог. Но я заблуждался. К несчастью, мой младший брат был похож на меня. В один прекрасный день он вместе с друзьями выкатил двухколёсную машину на улицу и сел за руль. После того, как ребята немного разогнали её, моя «Иж-Планета» завелась, и Рамзиль, имевший немалый велосипедный опыт, уверенно повёл мотоцикл из деревни на просторы полевых дорог. Изрядно поколесив там, он вернулся в деревню, доехал до нашего дома, но конь у своей конюшни останавливаться отказался. Он, как и я в младенчестве, умел только газовать и рулить. Тормоза были не в его компетенции. Таким образом, он проехал вкруговую по улицам деревни раз, другой, третий, но так и не мог остановиться. Когда я, услышав шум-гам на улице, выбежал из дому, он, оставляя за собой густой мотоциклетный дым, всюю мчался и орал: «Не могу остановиться, остановите меня!» Мы стояли в растерянности, не зная, что делать. Чем бы всё это завершилось, если бы не кончился бензин и мотоцикл сам собою не остановился.

Я больно-то не ругал братишку, сам ведь в детстве сотворил подобное. Повзрослев немного, он стал управлять мотоциклом лучше меня. А когда начал работать, перво-наперво купил себе мотоцикл.

Как я стал охотником

Рассказывали, что наши деды со стороны отца были охотниками. Услышав это, я тоже захотел быть охотником и пойти на настоящую охоту. Но охотнику нужны были орудия труда – ружьё или на худой конец какие-нибудь силки. Откуда их взять? Силки-капканы меня не интересовали, надо было раз-

добыть ружьё, без него охотник – не охотник. О покупке ружья в магазине и мечтать не приходилось – откуда на него деньги, да и кто тебе продаст без особого разрешения!

Но, как говорится, на ловца и зверь бежит. Однажды копаюсь на чердаке бани, и вдруг под хламом обнаруживаю

ружьё, настоящее, точнее, винтовку системы Бердана, только основательно проржавевшую. «Эта берданка ни к чему не пригодна», – только и махнул рукой дед. А я с присушим мне упрямством приступил к осуществлению своей мечты. Сначала разобрал ружьё (буду уж винтовку так называть), потом несколько дней держал его в тазике с керосином. Потом очистил песком от ржавчины, аккуратно протёр промасленной тряпкой, вместо сломанной пружинки поставил другую... После таких восстановительных процедур ржавая берданка приобрела вид действующего стрелкового оружия. Теперь нужны были боеприпасы. В дедушкином ящике с инструментами нашёл пять пустых патронов, начинил их серой от спичек, вместо дробы насыпал металлической крошки... Но как ни старался, моё ружьё не стреляло. После всего этого злые языки деревенских мальчишек прозвали меня «Охотник Разиль». В своей жизни я и по воробьям не стрелял, и мне было до того обидно слышать это прозвище, что порою я был готов сквозь землю провалиться. Скоро из прозвища выпало слово «Разиль», и я превратился в исключительно «Охотника». Переживая и думая, как избавиться от уничижительной клички, я ночи напролёт не спал.

Несколько раз в месяц отец ездил в тогдашний райцентр Шереметьево на райкомовские собрания. Из одной такой поездки он привёз большого белоснежного кролика – на базаре там купил. В нашем хлеву мы соорудили для косоного что-то наподобие домика. Несмотря на то, что мы, можно сказать, денно и ночью ухаживали за ним, давали ему самые свежие овощи, наш

кролик захандрил, перестал есть – не то к новому месту не мог привыкнуть, не то от прежних хозяев отвыкнуть... Однажды захожу в хлев проведать его, а он уже околел, лежит как камень.

Что делать? Мама сказала: «Надо похоронить его где-нибудь на опушке леса». В тот же день понёс его я в лес. Зима, метель, из лесу нет-нет да и волчий вой ночами до села доносится. На всякий случай повесил на плечо декоративную свою берданку. Говорят же: «Глупый волк и холостого ружья боится». У леса повстречался мне наш сосед Галиулла-абый. В лес ходил он, оказывается, на заготовку дров. «О-го! – говорит, – крупного зайца подстрелил, не зря, значит, называют тебя охотником». Не зная, что ответить, лишь кисло улыбнулся я. Через некоторое время на лесной дороге встретил ещё одного человека – сборщика яиц, жителя другой улицы нашего села Хасана по прозвищу «Елтырь» – шустрый, значит. Мать про него говорила: «Ему на язык чёрт плюнул» – такой он был болтливый и язвительный. Завидев ружьё и мою «добычу», тоже заахал и заохал.

На другое утро я проснулся настоящим охотником. Весть о том, что я подстрелил крупного зайца, мгновенно разошлась по всей деревне. Теперь при встрече меня стали опять называть «Охотник Разиль». Но уже без издевательских ноток, а с нескрываемым уважением. Скоро об этой кроличьей истории я позабыл и ружьё закинул на чердак, и мечта стать охотником незаметно испарилась. Вскоре и из прозвища опять выпало одно слово. На этот раз – «охотник». И остался я просто Разилем, с именем, которое дали мне родители.

Конокрады

Когда приходится с кем-то из соплеменников знакомиться и надо о себе что-то сказать, то говорю коротко: «Мы с Алмазом Хамзиным из одной деревни». Алмаз – человек известный и талантливый. Он – прекрасный музыкант, певец, поэт, мастер художественного слова, нет в нашем татарском мире человека, который не знал бы его. Потом, по мере необходимости, я начинаю рассказывать о том, как мы в течение одиннадцати учебных лет сидели за одной партией, как пели вместе, давали концерты, как, соревнуясь друг с другом, писали стихи. Мои новые знакомые начинают смотреть на меня восхищённо-расширенными глазами. Вот что значит иметь знаменитого друга!

О нашей с Алмазом непростой и полной приключений жизни в прошлом можно написать целую повесть. Но, оставив это на будущее, расскажу пока лишь одну историю из нашего отрочества.

Мой отец, как я уже говорил, был председателем колхоза, а отец Алмаза – секретарём парткома. Они всю жизнь прожили в постоянном общении и были опорой друг другу. Отец моего друга Наиль-абый вернулся с войны, потеряв ногу. Когда он шествовал по улице, то скрип его протеза летел далеко впереди него. К людям, вернувшимся с войны, особенно увечным фронтовикам, отношение у меня было особое. Я надеялся на бескрайними геройскими качествами, коих, может быть, судьба в представляемой мной мере далеко не всех наградила. Мне ещё казалось, что у каждого фронтовика обязательно в доме хранится автомат или пистолет.

Наиль-абый много сделал для меня вместе со своим сыном. Я должник перед ним и живу с благодарной к нему памятью. Когда мы с Алмазом окончили восемь классов, то решили продолжить учёбу в средней школе села Кызыл-Чапчак (Красная Кадка), находив-

шегося за рекой Зай, и сдали туда свои документы. Наиль-абый тем временем узнал, что в Нижнекамске открывается новая школа, и перевёл наши документы туда. Эта школа в нашей с Алмазом жизни сыграла огромную роль. Но я, кажется, обещал рассказать одну историю...

Так вот, учимся мы с Алмазом в Нижнекамске, живём в интернате села Актюба, которое вплотную прилегает к городу. Каждую субботу уезжаем в родную деревню, каждый понедельник утром возвращаемся в интернат или напрямую в школу.

Мы с ним почти уже парни. Такая пора, что наши носы, как говорится, начали чують красавиц. Как в пословице «Соседская курица кажется индейкой», так девушки соседней деревни нам казались все, как на подбор, принцессами. Деревню Шингальчи, что совсем под боком, мы и соседней-то не считали. Каждое воскресенье мы топали в деревню Иштеряково, находившуюся за восемь километров от нашей, за лесом. Кстати, оттуда родом были и наш близкий друг Рифкат, и наша первая учительница, мать Алмаза – Разия-апа. Каждое воскресенье, как на работу, пешком за восемь зимних километров, туда и обратно... А что делать?! Красота тамошних девушек того стоила. Пошагав так пешочком несколько выходных дней, мы призадумались... От походов к красавицам не откажешься, но и ноги наши были не казёнными. Думали-думали и придумали. Мой отец с раннего утра запрягает жеребца по кличке «Глупый», который всегда мчался, не помня себя (оттого и прозвали так); запрягает и уезжает по своим делам, а вечером, усталый, возвращается домой. Обычно я встречал отца и отводил Глупого в конюшню на другой конец деревни. И в этот раз, как только отец слез с саней, я принял жеребца с санями и вместо конюшни укатил на

нижнюю улицу, где у своих ворот поджидал меня по договорённости Алмаз со своим баяном под мышкой. В вечерних сумерках никто на нас не обратил никакого внимания. Я огрел Глупого вожжами, и он превратился в крылатого коня. Он мог лететь без передышки, пока окончательно не покроется густой белой пеной. На то он и Глупый.

Жеребца распрягли и оставили в Иштерякове у родственников Алмаза во дворе. Зашли к другу Рифкату и пошли все вместе в клуб. Там пели, танцевали, веселились, пока народ не разошёлся. Потом прошлись по белоснежным деревенским улицам, провожая девушек. От холода чуть ли не в сосульки превратились, но вида не подавали, поскольку не мальчишки мы какие-то, а парни из деревни Ташлык, что в переводе означает «каменистая». Каменные мы ребята, значит, крепкие, приехали сюда на благородной кошёвке, запряжённой в горячего скакуна. Конечно же, о том, что жеребца мы взяли самовольно, украли, практически, – молчок.

К полуночи и в каменные сердца наши стала вкрадываться тревога. Ведь надо ещё через лес до дома добраться, распрячь жеребца. Отцу же в пять утра на нём на работу. До этого Глупому и отдохнуть надо, поесть и чтобы пот успел просохнуть. С этими мыслями зашли к родственникам Алмаза во двор, а жеребца там, как и не было. Сани на месте, а коняги нет. Тут только

мы увидели обрывок уздечки на столбе. Порвал, стало быть, её и выбежал в незапертые ворота. Что делать? Без жеребца дороги домой нет. Даже представить себе трудно, что ждёт конокрадов дома. Обежали все улицы Иштерякова несколько раз, но Глупого и след простыл. Мы с Алмазом натянули шапки по самые глаза и через зимнюю ночь побрели в Нижнекамск, находившийся от злополучной деревни в двенадцати километрах. Когда дошли до здания тюрьмы около леса, Алмаз спросил: «А конокрадам сколько лет дают?» Я не ответил, лишь шагу прибавил.

Миновав родную деревню, куда заходить побоялись, мы избежали упрёков родителей, разносов и т.д. и т.п. и благополучно скрылись в стенах интерната и школы. Через неделю за нами в интернат приехал Наиль-абый. Что было дома, пересказывать не стану. А с Глупым ничего не случилось. Хоть в Иштерякове волей судьбы он побывал впервые, но вернулся в Ташлык благополучно, не заплутав. Сани из гостей Наиль-абый с помощью конюха Газиза вернул на следующий же день после пропажи. Он догадывался, куда мы бегали по воскресеньям и где мы могли пропадать с Глупым в последний выходной.

После этого события я зауважал Глупого. По прошествии лет я понял, насколько Глупый был умён и насколько глупыми оказались мы с Алмазом вместе.

Бесценный баян

Каждый год на Сабантуй мы с Алмазом стараемся вернуться в нашу родную деревню. Это даёт возможность нам встретиться с друзьями-сверстниками, с которыми не виделись целый год. Празднуем с размахом – от двора к двору, от дома к дому. На Сабантуе (раньше мы называли его «Сход») Алмаз особенно долгожданен, ведь он певец, баянист, незаурядный рассказчик и шутник, без него трудно себе представить любой праздник.

К одному из приездов Алмаза Наиль-абый купил ему первоклассный баян. Инструмент изготовлен был в Германии и обошёлся покупателю в кругленькую сумму. Наиль-абый, когда вручал баян сыну, шепнул ему на ухо: «На этом баяне будешь играть только дома или в клубе. А для Сабантуев и улицы и старый твой сойдёт. Эта немчина и капли дождя боится, попадёт дождинка на меха – пиши пропало».

Но всё же Наиль-абый не воспротивился тому, чтобы сынок его сыграл на новом баяне на лавочке у ворот. Утром, в день Сабантуя, к Алмазу, играющему на новом баяне у своих ворот, подкатили на машине мы – наш общий друг Рифкат, мой младший брат Рамзиль и я. Заслышав наши голоса, вышел на улицу и Наиль-абый. Мы наперебой хвалили новый баян, и сердце родителя размякло. И когда Рифкат сказал: «Зачем нужен этот баян, если он не будет играть на Сабантуе?», отцу Алмаза ничего не оставалось делать, как согласиться... Мы вчетвером сели в машину и под чарующие звуки нового баяна покатали на майдан Сабантуя.

Алмаз на майдане был, как всегда, в центре всеобщего внимания. С новень-

ким, немецким баяном на груди он был особенно вдохновенен – и пел, и играл, как никогда. Промочив горло и закусив в палатке, организованной в тенёчке руководством деревни, он вновь взялся за баян и играл уже по приглашению друзей, накрывших «столы» на изумрудной травке то там, то сям, в тенистых местах под деревьями. Все хвалили новенький баян и великолепную игру баяниста. Души наши развернулись, как меха баяна, кровь зыграла, мы почувствовали себя молодыми, непобедимыми львами на вольном просторе.

Вспоминая мальчишеские года и распевая весёлые песни, мы поравнялись с нашим домом, и мой младший брат, не взирая на сопротивление, затащил Алмаза к нам в гости. Сначала он играл на баяне, нахваливая бэлиши, которые испекла наша мать, потом праздник незаметно переместился в предбанник, а затем, когда я снял с чердака дубовый веник и плеснул на раскалённую каменку воды, – и в саму баню. Теперь уже Алмаз играл на полке бани, превратив её в сцену. Позабыв всё на свете, мы пели и пели. А гармонь, верней, баян тем временем, не выдержав жары, на глазах расклеивался, разваливался, издавая предсмертные вздохи.

Не знаю, что потом пришлось выслушать Алмазу от своего отца, но баян этот мы видели в своей жизни в первый и в последний раз. Может быть, Наиль-абый отремонтировал его и продал, может, просто обменял на что-то – история об этом умалчивает. Хотя мы его больше не видели, но он засел в наших сердцах накрепко, остался в нашей памяти как немецкий баян, банный и бесценный.

Учитель Сахби

22

рассказы

Было в нашей деревне несколько знаменитых людей. Один из них – Сахабутдин-абый, известный, как «Учитель Сахби». Благородное прозвище это получил он ещё в тридцатые годы, когда учительствовал в школе. Знаменит он был как первый плотник деревни, даже не просто как плотник, а как мастер-столяр, изготавливавший тончайшие работы по дереву. Подобно ему никто не мог вырезать наличники на окнах. Он и величавые «русские ворота» поставил, и минарет нашей мечети восстанавливал, и нежнейших звуков скрипку смастерил, играя на которой каждый год вёл деревенский люд на Сабантуй.

И интересным, и странным был этот Учитель Сахби. Во время войны он попал в плен, и из-за этого его к повседневной жизни деревни и колхоза не очень-то допускали, и он вёл уединённый образ жизни. Однажды разругавшись по неизвестным причинам с женой, он до конца своих дней обитал в мастерской в своём дворе. Эта мастерская состояла из побелённой печи, топившейся дровами, небольших нар, кухонного стола и основного места работы – большого деревянного верстака. Грязное бельё своё он складывал в таз во дворе, и отвергнутая жена забирала его, стирала, гладила и возвращала аккуратными стопами – клала на крыльцо. Какая бы обида ни была у них друг на друга, по-настоящему они так и не развелись. Сахабутдин-абый в своей мастерской прожил, несмотря на семейный разлад, до девяноста четырёх лет, тщательно следя за своим жилищем и надворными постройками.

Младший брат моей матери Раиф-абый, тоже побывавший в немецком плену и тоже по профессии плотник, частенько заходил к нему, и они по долгу разговаривали. Если уж пропус-

тят по маленькой, то с татарского языка незаметно, слово за слово переходили на русский, а после второй чарки потихонечку с русского – и на немецкий. Мне казалось, делали они это для того, чтобы их разговоры никто не мог понять.

Обычно, когда я приезжал в деревню, то обязательно старался заглянуть к нему. С ним было интересно, он много повидал в своей жизни, на всё имел своё, логически подтверждённое неизвестными мне фактами мнение. Разговариваем, пьём чай с моими казанскими гостинцами, иногда в качестве лекарства что и покрепче принимаем. Ему было уже за девяносто, а ясности ума, остроты суждений он не терял. На стене его мастерской висел похожий на человека татарских кровей портрет Ленина, потускневший и пожелтевший от света и времени. Как-то я спросил его полушутя: «Сахабутдин-абый, мы живём давно уже в другом времени, сегодня школьники и не знают, кто это такой. Зачем ты не заменишь этот портрет?» Он испытующе посмотрел на меня, улыбнулся краешком рта и сказал: «Пока же у вас нет человека, которого можно было бы повесить на эту стену. Как появится, так сразу и замени».

Перед тем как уйти, я попросил его что-нибудь сыграть на скрипке. Он неспешно взял скрипку своего изготовления и исполнил мелодию из песни Салиха Сайдашева «Хуш, авылым» («Прощай, моя деревня»). Играл он так, будто в этот момент прощался не со мной, а со всей своей деревней, со всей своей непростой жизнью.

В следующий мой приезд Сахабутдин-ага ожидал меня за околицей, на деревенском кладбище, прикрывшись каменной плитой.

Гонорар

Эта история произошла, когда мы уже немного повзрослели. Я в то время учился в Москве, в Литературном институте имени М. Горького. Повзрелеть-то я повзрелел физически, но в душе остался всё тем же непоседой и фантазёром, что и в детстве.

В то время в Литинституте учились студенты со всего Советского Союза, получали образование способные в литературном творчестве ребята и девчата разных национальностей. Можно сказать, днём и ночью мы были вместе – с Бронтом Бедюровым с Горного Алтая, бурятом Намжилом Нимбуевым, русскими Юрием Кузнецовым и Александром Гавриловым, балкарами Магомедом Геккиевым и Алием Байзулаевым. Жили мы в общежитии, и всё у нас было общее. Объединяло нас ещё и то, что всем нам одинаково не хватало денег. Стипендия наша составляла двадцать восемь рублей в месяц, притом часть её удерживалась за проживание в общежитии. Эти деньги мы умудрялись растягивать на две-три недели, а последнюю, четвёртую, жили впроголодь. А уж если кому-то приходил гонорар, то это был праздник для всех.

Была та самая четвёртая неделя, и мы жили, положив зубы на полку. Недавно в последнем номере «Казан утлары» («Огни Казани») вышла подборка моих стихов, и вся надежда была на гонорар с этой публикации. Но сколько бы я не заглядывал в почтовый ящик у входа в общежитие, извещения на гонорар не было. Вдруг заходит ко мне в комнату балкарский поэт-однокурсник Магомед Геккиев. Несмотря на невесёлое наше положение, у него рот до ушей. Что такое? Смотрю – в руках он держит какую-то бумажку. «Тебе гонорар пришёл, – го-

ворит, – сто двадцать рублей». Я обрадовался, не знаю как. Но сегодня воскресенье, почта не работает, придётся держать невольную уразу ещё день. Магомед в карман за идеей не лезет: «Займи у кого-нибудь. Извещение это покажешь – тебе никто не откажет». Оценив находчивость Магомеда, я побежал к башкирскому поэту Габдельхаку Игебаеву, жившему на седьмом этаже. В Литинституте он учился на Высших литературных курсах со стипендией сто пятьдесят рублей в месяц, притом, человеком он был широкой природы и не жмотом. Короче говоря, через несколько минут я уже стоял в гастрономе, находившемся напротив общаги, с двадцатипятирублёвкой то ли в кармане, то ли в руке, то ли в руке и в кармане одновременно – не помню.

Собрались в тот день все мои друзья – голодные поэты и прозаики – и устроили праздник. В понедельник утром стук в дверь. Опять Магомед. Только на сей раз лик его уныл.

– Разиль-дружище, – говорит, – не сердись, пожалуйста.

– В смысле? – не понимаю я.

– Вчера ведь я пошутил. То извещение о гонораре сам заполнил. В субботу на почте раздобыл пустой бланк – и вот... Хотел обрадовать поскорей, а то у тебя там, в Казани, тянут и тянут кота за хвост...

– Спасибо, обрадовал, – только и сказал я.

– А вчерашний праздник удался! – обнял он меня, от души рассмеявшись.

А ведь и правда, если б Магомед не проявил смекалки, то так и сидел бы я в ожидании далёких денег в окружении голодных друзей. А тут и аван получил, и устроил неожиданный праздник, как потом, по признанию друзей, оказалось – незабываемый.

«Наполеон»

24

рассказы

В Литературном институте в Москве я занимался в семинаре, руководителем которого был знаменитый поэт, автор сотен популярных песен Лев Ошанин. В годы войны его с семьёй приютили Казань и Чистополь. То ли из-за этого, то ли из-за чего-то ещё, но он относился ко мне как-то особенно благосклонно, по-отечески, можно даже сказать. Ещё студентом по его приглашению я гостил у него и дома, и на даче в Переделкине. Бывало, когда я голодал, он как-то умудрялся узнавать об этом и деликатно, будто случайно встретив, угощал-кормил. Нередко провожал меня, когда я собирался в Казань на побывку, спонсировал деньгами на дорогу. Наша дружба продолжалась и тогда, когда я, закончив институт, вернулся в Казань, а затем по направлению Союза писателей республики поехал работать в Набережные Челны. То он ко мне приезжал, то я к нему, то переписывались, то перезванивались... На протяжении всей жизни после моего выпуска он оставался моим старшим другом и советчиком. И теперь, по прошествии лет, я всё больше и больше понимаю, какой ценностью в своё время обладал. Впрочем, эта ценность живёт во мне и по сей день.

В 1982 году Лев Иванович пригласил меня с женой на свой 70-летний юбилей. Первая, творческая, часть торжеств проходила в ЦДЛ (Центральном Доме литераторов в Москве). Гости съехались из разных городов России, республик Советского Союза, было на празднике немало и зарубежных гостей. Вниманием со стороны юбиляра никто обделён не был. Всех Лев Иванович встречал с большим радушием, для каждого находил тёплое слово и, замечу, к каждому приезжему он прикрепил сопровождающего. Мне достался генерал-майор Кузоваткин – начальник пожарной службы столицы. И по Москве потом он нас с женой по памятным ме-

стам покатал, и в гости к себе домой свозил. Но это к слову, так сказать. А основной сюжет рассказа начинается с того, что на прощание Лев Иванович преподнёс мне бутылку коньяка «Наполеон» – презент по тем временам неслыханный. Гостинец, стало быть. И сказал: «Угостишь от моего имени своих близких друзей, может, и моего друга Раиса Беляева пригласишь к себе на огонёк».

Вернувшись в Челны, я спрятал «Наполеона» в тумбочку за диваном, куда праздный взгляд не доставал. Я всё-таки хотел выполнить пожелание Льва Ивановича, пригласить как-нибудь Раиса Киямовича на московского «Наполеона». Но это было нелёгким делом – завести к себе в гости хозяина крупнейшего на Каме промышленного города. Но всё же случай представился. Однажды Раис Киямович решил прийти на собрание нашей челнинской писательской организации, которую я возглавлял. Мероприятие прошло успешно, и мы зашли с ним ко мне в кабинет. Я передал ему привет от Льва Ошанина, рассказал о прошедшем недавно в Москве юбилее поэта и, набравшись смелости, пригласил мэра к себе домой – взглянете, мол, как живёт простой татарский поэт. «Кстати, – добавил я, – Лев Иванович прислал вам небольшой презент». Раис Киямович взглянул на часы и махнул на что-то, должно быть, важное рукой: «Пошли!»

Как только ступили на половицу моей квартиры, я, естественно, бросился к заветной тумбочке... Но «Наполеона» там не было – исчез непредсказуемый полководец французской армии! Покраснев, как варёный рак, я повёл гостей (с нами был ещё писатель Газиз Кашапов) по комнатам, показывая квартиру. Дойдя до книжного шкафа в моём кабинете, Раис Киямович остановился и стал брать с полок книги, листать их, делаясь своим мнением с нами. Тут с Газизом Кашапо-

вым у него завязался разговор. Я выскочил в соседнюю комнату и позвонил по телефону директору соседнего гастронома, однокашнику моего односельчанина Рафаэля Сахабиева, нашему общему другу – Ильгаму:

– У тебя есть коньяк «Наполеон»?

– Нет, – говорит.

– Тогда прихвати с собой лучший свой коньячок, хорошую закуску и через две минуты будь у меня. Выручай, дружище! Потом всё объясню...

Пока знакомились с содержимым моего книжного шкафа и пока я по просьбе гостя прочёл несколько стихотворений, явился Ильгам и даже успел накрыть стол в соседней комнате. Венцом стола и успешных оперативных действий по спасению друга в сложившейся ситуации был коньяк «Москва». Название презента оказалось как нельзя кстати, никаких сомнений у Раиса Киямовича не возникло, он поблагодарил меня и Льва Ивановича и пригубил рюмку за, может быть, самое святое на свете – мужскую дружбу.

А история пропажи «Наполеона» оказалась простой. Я передал запасной ключ от своей квартиры, где жил преимущественно один, братишке Рамзи-

лю, чтобы он мог в отсутствие меня иметь в Челнах крышу над головой, где можно было бы перекусить, отдохнуть по пути в родной город Нижнекамск. Незадолго до описываемых событий, он заехал ко мне на квартиру с друзьями. Они попили чаю, полистали книги, журналы, и братишка каким-то образом наткнулся на тёмно-тускло-зелёного «Наполеона». Что делать, когда и друзья тут же увидели находку, восторженно зацокали языками!.. При очередном его посещении моей квартиры я стал выговаривать ему, рассказав в какую дурацкую ситуацию попал было, на что он лишь невинно заморгал, как ребёнок, залепетал в своё оправдание чуть слышно: «Наполеон же на нашу страну напал, Москву сжёг, и мы, брат, расправились с ним». Что я мог ответить? С исторической точки зрения он прав был, конечно, хотя Наполеон и не поджигал Москвы, сбежал из неё, горящей, а с морально-бытовой... Мне показалось, братишка мой и без особого морализаторства всё понял. И я, посмеявшись, пошёл заваривать для гостя чай. Что было, то было, в конце концов, всё обошлось ведь, та самая «Москва» и в моей ситуации оказалась победительницей.

*Перевод с татарского
А. Мушинского, А. Сафиуллина*

2010

Рис. Анвара Сайфутдинова